

Ири

М

приключен

Ирина Гордеева

**Лебедь или приключения
Вани Лебедева. Часть первая**

«ИП Стрельбицкий»

Гордеева И.

Лебедь или приключения Вани Лебедева. Часть первая /
И. Гордеева — «ИП Стрельбицкий»,

Иногда и на долю детей выпадают семейные трудности и невзгоды. Так случилось и в семье Вани Лебедева. Его отец ушел к другой. Типичный случай для нашего времени. Однако знакомство с неординарной бабушкой одноклассницы, пообещавшей ему вернуть заколдованного отца, приводит к череде весьма странных и необъяснимых событий и приоткрывает завесу тайны его рода – могущественного рода Лебеди. А там, где Лебедь – жди Коршуна. И он возникает из мрака времен, тот, кто и затеял эту злую историю. Но чтобы разобраться во всем и спасти отца, Ване предстоит поверить в чудо...

© Гордеева И.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Предисловие	6
Начало истории	8
Неприятности	11
Я узнаю правду	12
Продолжение неприятностей	14
Рецепт от неприятностей	16
Послушай женщину...	18
Бабушка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Гордеева
Лебедь или приключения
Вани Лебедева (часть первая)

Повесть-сказка

Предисловие

У каждой истории есть свое начало. Своя точка отсчета. Эта история началась очень давно. Хотя никто и не знал, что ее начало скрывается за тенью веков. Сейчас, по прошествии какого-то времени, я могу относительно спокойно размышлять об этих событиях. И могу сказать, что для меня эта история началась в день моего рождения. Тринадцатилетия...

Собрались гости. В основном, родственники и друзья родителей. Я, как всегда, играл в компьютер, хотя мама давно пригласила меня к столу. Тут ко мне в комнату вошли бабушка и бабушка. Они поздравили меня с днем рождения. Подарили подарки. И, конечно, прочли свои нравоучения о том, как вредно играть в компьютерные игры. В этот раз особенно разозлился дед:

– Иван! Вот скажи, что ты читал в последнее время?

Я молчал. Дед продолжал нравоучения:

– Ничего. Фенимора Купера читал? А Майна Рида? А Джека Лондона? Молчишь. Все стреляешь, да взрываешь.

– Не только... – попытался оправдаться я и уже понял, что от длительных нотаций никуда не деться.

– Ну, вот скажи, что полезного в этих играх? – вторила деду бабушка. – Чему они учат? И знаний – ноль, и умений – никаких. Только что на кнопки нажимать.

Сколько раз я уже слышал все это. В довершении всего дед сказал, что это болезнь, настоящая болезнь – компьютеромания, что дети сходят с ума... И в доказательство положил мне на стол газету со статьей, выделенной красным фломастером. Они взяли с меня почти клятвенное обещание прочитать эту статью.

Вечером, когда гости разошлись, я выполнил свое обещание. Я прочитал статью. Должен привести ее текст в сокращении.

«Ужасное событие потрясло наш город. 19 марта случилась трагедия – четверо школьников, две девочки и два мальчика в возрасте от девяти до тринадцати лет покончили жизнь самоубийством, прыгнув с крыши шестнадцатизэтажного дома. Все они погибли. О причинах этого приходится только догадываться.

Все дети были из благополучных семей и посещали один компьютерный клуб. Вечером 19 мая они собрались вместе во дворе дома по улице Карла Маркса, 9, где проживали двое из них, сели в лифт и поднялись на шестнадцатый этаж. Через открытый люк они вышли на крышу. В 19 часов 10 минут их тела без признаков насилия нашли на газоне перед домом.

Родители школьников не могут объяснить такого поведения своих детей и отзываются о них, как о воспитанных, добрых и умных детях. Следствие зашло в тупик. Бабушка погибшего Артема Новакова рассказала, что за неделю до случившегося ее внук Артем упомянул в разговоре с приятелем по телефону, что «у него есть все доказательства».

Одноклассница погибшей Оли Митрофановой Мая Иванова рассказала нам о том, что Оля незадолго до своей смерти говорила о том, что с ее компьютером творится что-то странное. Он якобы сам пишет ей сообщения.

В компьютере Сергея Толочко нашли странный файл, возможно, взятый из Интернета, о Гарри Потере и его способностях, которым можно, якобы, научиться. Мальчик зачитывался книгами о Гарри Потере и, похоже, всерьез верил написанному в них.

По некоторым данным, в тот злополучный вечер с ними был и брат Сергея Толочко – Игорь, который до сих пор не найден.

Кто или что послужило причиной трагедии – предстоит разобраться следственным органам».

Я свернул газету и положил ее в стол. Потом лег спать. Сон был тяжелый. Мне снилась какая-то бесконечная компьютерная игра. Я как бы сам участвовал в ней в своем теле. Стал частью компьютера и проносился с огромной скоростью по каким-то замысловатым коридорам, горкам и лабиринтам. А кто-то ужасный и страшный управлял мною, желая, чтобы я разбился...

Проснулся я рано и опять перечитал статью. Возникло предчувствие чего-то недоброго и стало расти, наполняя все пространство комнаты. Мне хотелось забиться в свою уютную кровать, укрыться одеялом с головой и никуда не выходить. Но чувство это было совершенно бесформенным и не имевшим никакой реальной причины. Конечно, откуда мне было знать тогда, какие неприятности поджидают меня у порога. И что именно мне придется разгадать ужасную тайну этой статьи, вернее, этого запутанного дела. Дела о лебедях...

* * *

Примерно в это же время на набережной остановился черный джип. Из него, не торопясь, вышел хорошо одетый мужчина средних лет, начинающий лысеть, с тонким, но довольно крупным носом и строгими чертами лица. Он закурил и усмехнулся. Вид его внушил бы уважение любому встречному, но таковых в этот момент не оказалось...

Он прошел немного вдоль массивного заборчика с коваными цепями, отделяющего берег от воды. Вода в Волге была покрыта мелкой рябью. Дул довольно неприятный холодный ветер, не типичный для мая. Мужчина долго смотрел на воду. Ему был необходим отдых. Он устал. Ничто так не успокаивает, как вода. Мысли приобретали четкий строй, в его голове зрели планы. Большие планы...

А всего-навсего нужно было поверить во всю эту чушь. На первый взгляд – это чушь... Его отец, он так и не смог поверить. А он смог. Это же так просто. И ты получаешь в свои руки оружие такой силы и мощности, с какой не сравнится ничто на земле. Абсолютную власть. Абсолютное могущество. Он стоял и смотрел на воду и упивался этой властью.

Да, конечно, еще не все получается. У него есть ошибки. Просчеты. Но это же только начало. Он сможет все. Он сотрет в порошок всех, кто стоит на его пути. И он получит ее, эту силу... Она принадлежит ему по праву. И никому более. Потому что поверил в это только он один. И смог во всем разобраться. Только нужно действовать осторожно. И больше не допускать таких просчетов. Но он будет очень осторожен. Он повернулся спиной к восходящему солнцу. На асфальте четко нарисовалась его тень. Он раскинул руки и засмеялся. Тень приобрела очертания какой-то зловещей птицы. Потом он медленно пошел к машине. На асфальте остался догорать окурочек его сигареты, а ветер еще долго кружил его, раздувая едва тлеющий огонек...

Начало истории

Все началось на зимних каникулах. Тогда нам, как кружковцам литературного кружка, задали домашнее задание – изучать разговорную речь людей разных специальностей, а, точнее, искать неологизмы, то есть новые слова в языке. Наша учительница по русскому и литературе Ольга Владимировна, всегда нам говорила, что она ужасная филантропка и страдает добропамятностью, то есть помнит все доброе, что ей когда-либо кто-либо сделал. А поскольку получить хорошую оценку у нее было очень сложно, мы почти всем классом записались к ней в кружок.

Мне, Ване Лебедеву, моему соседу по парте Игорьку Самоходкину и Ромке Кузнецову досталась профессия водитель. Кажется, Ольга Владимировна писала какой-то научный труд, поэтому все кружковцы на каникулах ей активно помогали в надежде на ее добропамятность.

И вот пятого января, отдохнув от новогодних праздников, конфет, елок и телека, мы собрались, решив поехать один день на маршрутках, один день на троллейбусах и один день на автобусах. В трамвае кабина плотно отделена от пассажиров, и почти ничего не слышно.

Первым мне на сотик позвонил Ромка:

– Как дела?

– Да так себе, кое-что есть, – сказал я, – а у тебя?

– Не очень. Одна ненормативная лексика, – засмеялся Ромка, – а ее, как ты знаешь, писать не велено.

– Ну, пока, – сказал я, услышав еще один неологизм: «копы».

Таким образом, к концу дня у меня накопилось с десятка два неологизмов, среди которых были: тачка, менты, бампера, запор, мерс, жигуленок, пежоха, водила, пробка, чайник. Но самый крутой неологизм, как мне казалось, я услышал от пожилого водителя. Он говорил по мобильному телефону с кем-то, сетовал на свою судьбу, а в конце произнес: «Вот такая у нас селявуха». Я даже не понял сначала, что это от французского «Се ля ви» – «Такова жизнь». Только это не совсем водительский термин.

Я позвонил Игорьку и узнал, что у него почти ничего, «водители попались молчаливые». Тут мое внимание привлек разговор двух милых старушек, сидевших непосредственно передо мной в маршрутке.

– Так вот, он совсем глупой стал, – говорила одна из них в беленьком вязаном платочке. – Хуже Митрича нашего. Людку бил, бил, потом посуду всю побил, телевизор, магнитофон – все с балкона прямо на асфальт сбросил. Сама видела.

– Меньше пить надо!

– Да что ты, не пьет он совсем. Уж, поди, года три. Бабы все это, спортили мужика-то. Мужик он видный, что говорить.

– Бабы-то тут причем?

– Э-э... Есть там одна... Любому мужику приворот сделает, вот они головы-то и теряют. А этому такое с головой понаделала! Родную жену чуть не убил! Мать чуть калеккой не сделал. Ну, просто зверь стал.

– Да водка это!

– Нет. Не водка. Сам говорил потом: «не моя голова». А наутро как у него она заболела! На стены лез. Слов нет, как болела. Два раза скорую вызывали. Они что-то уколут и уезжают. А он орет, аж на стены лезет. А потом как стал головой о стены биться! Бедная Ивановна! Ужо натерпелась с таким сыночком. Я ей говорю: шерстью собачьей замотай голову, а она не слушает. Потом мы его облепиховым маслом намазали, вроде отпустило. Облепиха-то, она все лечит.

– Так это ж менингит, точно, менингит. Когда мозги воспаляются.

Казалось, все пассажиры, кроме водителя, притаившись, слушали этот душераздирающий рассказ. Я со своим живым воображением быстро представил себе мужчину, почему-то в пижаме, который лез на стенки и бился о них головой. Стало как-то не по себе. «На сегодня хватит», – мысленно сказал я себе и сошел на своей остановке.

Дома Машка, моя младшая сестра, как всегда, висела в телевизоре. Она ходила в детский сад, и, как большинство современных детей знала наизусть почти всю рекламу. Ее речь изобиловала рекламными высказываниями. Видимо, теперь так шутят шестилетние дети. «Привет подружка, привет подушка», «В животе ураган, принимай эспумизан», «Персил, он всегда персил», «Съел, и порядок». По ее мнению, «дядя молочник из рекламы молока должен пожениться на тете молочнице из другой рекламы», но бабушка сказала, что такого быть не может, потому что молочница вовсе не тетя, а такая болезнь. Бабушка у нас все знает, она врач.

А недавно мы придумали с Машей игру-дразнилку в рекламу. Кто-нибудь спрашивал: «Что в жизни главное?», а Машка отвечала: «Пап, мама, братик, я и...», а дальше нужно придумать что-нибудь посмешнее. Например, котлетки «Прощай, Буренка» или пельмени «Рога и копыта». Выигрывал тот, кто придумывал самое смешное.

Машка, увидев меня, сразу попросила почистить ей апельсин. Шла какая-то передача об экстрасенсах и людях со сверхъестественными способностями. Они двигали предметы, делали пассы руками, гадали. А суровый голос ведущего за кадром обличал их, как людей, обманывающих доверчивых граждан и выкачивающих из них последние накопления, обещая исцелить, снять порчу, вернуть мужа. Оказалось, к каким только ухищрениям они не прибегали, какие фокусы не придумывали, чтобы облапошить наивных соотечественников. В конце передачи выступил священнослужитель и сказал, что все их сверхъестественные способности от бесов, и будущее знать им не дано, все будущее в руках Бога. И кто из них принимает крещение, тот эти способности теряет.

– Машка, – спросил я, – а ты веришь в чудеса?

– В Деда Мороза, что ли?

– Ну да. И в Бабу Ягу?

– Не-а.

Когда Машуся доедала апельсин, с работы пришла мама. А когда приходит мама, все в доме оживает. Бабушка поехала домой кормить дедушку, а мы с мамой и Машей, сидя за огромным кухонным столом, лепили пирожки, колобки, плюшки и делились впечатлениями этого дня.

Наш огромный дом построили всего год назад по специальному проекту. Какой-то известный архитектор из Москвы, фамилию я забыл, разработал проект. Нам он очень нравился, и был предметом особой гордости отца. Отец уже несколько дней был в командировке. Он возглавлял крупный банк «Орион-Инвест» и несколько небольших нефтедобывающих компаний. Поэтому мы видели его редко. Особенно последние месяца три.

Я поставил коттедж на ночную сигнализацию и собирался провести полночи наедине с компьютером, но тут раздался входной звонок. Это был дядя Валик. Валентин Федорович, наш бывший физрук, муж тети Альбины. Теперь он у нее в кафе работал начальником охраны.

Дядя Валик был сильно пьян и спрашивал отца.

– Его нет. Он в командировке, – сказал я.

– Ха-ха, – загоготал дядя Валик, – знаем мы эти командировки.

Потом он икнул и как-то странно посмотрел на меня, словно оценивая мой возраст, и сказал:

– Да ну вас всех! – и вдруг заплакал.

Честно говоря, я никогда раньше не видел, чтобы мужчина плакал, тем более, наш бывший физрук. Скорее всего, спьяну. Постояв, он повернулся, шатаясь, выругался и пошел. Я хотел предложить ему помощь, но почему-то стоял, как вкопанный. И тут вздрогнул – дядя Валик затянул со всей мощи на русском пьяном языке «Зачем вы, девушки, красивых любите» и свернул за угол забора. Наконец, до меня дошло, что нужно было спросить, зачем он приходил, может быть, была нужна помощь. И я побежал за ним. Но он, увидев меня вновь, отпрянул как от привидения и быстро сел в свою блестящую «Тойоту». Мотор зафырчал и машина рванула, взвизгнув, как будто убегая от погони.

Неприятности

На следующий день я встал поздно. В доме было необычно тихо и вкусно пахло. Мама вчера рассказала нам, что шестое января – это Сочельник – такой праздник перед Рождеством, поэтому нужно много готовить, чтобы хорошо встретить Рождество. Оказалось, что мама с утра наготовила всяческих вкусностей и поставила тесто, чтобы испечь рулет. Она так готовит! Пальчики оближешь!

Мы с Машкой уже давно приготовили подарки к Рождеству родителям и бабушке с бабушкой и ждали, конечно, ответных подарков. Новый год – отличный праздник, но Рождество, на мой взгляд, – гораздо лучше. И мы ждали его с нетерпением.

Приехал отец, но сразу куда-то умчался. Иногда он был очень занят и говорил: «Работы по горло, всем привет». Но сегодня убежал молча. Я опять пошел к своему другу, компьютеру. Как и большинство моих сверстников, я люблю компьютерные игры. Больше всего мне нравятся стратегии. Например, «Red arlet». Это игра для развития. Еще неплохая «RPG» и ходилки, такие как «Worms», «Sacred under world» и «GTA». Иногда играю в гонки – «NFS carbon», «NFS most wanted». Стрелялки в последнее время что-то надоели.

А вообще, я не могу ни дня без компьютера. Это как наваждение, но иногда мне кажется, что я не смогу без него жить. То есть, если, конечно, его у меня забрать, я не умру, а продолжу свое существование, но когда он рядом, я не могу долго без него. Хотя, положи руку, на сердце, иногда мне хочется, чтобы кто-нибудь временами запрещал мне за него садиться. Вечером, когда я опять вернулся в наш мир, понял, что мир изменился...

Мать почему-то плакала, а Машка сидела у ее ног и гладила ее. Я сразу подумал, что кто-то умер. Но никто не умер. Я пытался успокоить мать и выяснить у Машки, в чем дело. Но интуитивно уже понял, случилось что-то страшное и непоправимое. И связано это с отцом.

– Где отец?

– Я не знаю, – сказала мать.

Больше от нее ничего нельзя было узнать. Допросив потом Машусю, я узнал, что днем произошла какая-то ужасная ссора мамы с отцом. Он собрал вещи и ушел.

– Ничего, Машка, поругались – помирятся. Так бывает у взрослых. К тому же завтра Рождество. Нужно верить в чудеса.

– А кто теперь нам подарки подарит?

– Вот он, детский эгоизм. Все о себе, да о себе, любимой. У тебя уже игрушки ставить некуда. Ведь все есть. И Барби всех модификаций и ее женишок, как там его зовут?

– Кен.

– И все тебе мало. Лучше думай, как маму развеселить.

– Давай ей подарим, что мы купили.

– Давай. Только мы подарок наш общий выбирали и для отца. А его нет.

– Он сам виноват, нечего было злиться. На злых воду берут.

– Не на злых, а на обиженных. Пойдем!

Мы достали спрятанную чайную пару из фарфора с нарисованными лебедями и с позолоченными ручками. Лебедевым – лебеди. И пошли в комнату мамы.

Мама продолжала плакать. Вернее слезы ее текли сами по себе, и, мне казалось, что еще немного, и я сам зарыдаю. Она сидела в спальне и рвала фотографии. Я попытался воспротивиться этому процессу. Но понял, что лучше не лезть во взрослую жизнь. Мы подарили ей наш подарок и пошли играть в детское домино. Машка пообещала дожидаться Рождество, но очень скоро уснула. Я накрыл ее пледом и опять нырнул в свой компьютер. Неприятности начались.

Я узнаю правду

Отца не было неделю. Мама все время плакала. Пыталась скрывать от нас свои слезы и упорно молчала. Потом приехал отец, красивый, довольный, пахнущий праздником и елкой. Так определила Машка, а, на самом деле, это был всего лишь новый одеколон. Он привез нам игрушек: мне компьютерных, Машке – игрушечных. Мы постарались вести себя, как будто ничего не произошло. Может, он останется, и все будет, как раньше. С матерью он даже не поздоровался. Они сразу ушли наверх, в кабинет отца. Я не мог долго оставаться в неведении.

Дело в том, что на день рождения мне подарили шпионскую игру с тремя подслушивающими устройствами, и я установил их в кабинете отца, в зале и в Машкиной комнате. Об этом никто не знал, а я мог быть в курсе всего, что происходит в доме. Правда, до последнего времени ничего особенного не происходило. Я одел наушники и настроил систему, включив кабинет отца. Говорил отец:

– Я уже сказал, что я с тобою жить не буду. Ты же не живешь, ты витаешь где-то там у себя в облаках. Готовить не умеешь, мать из тебя никудышная! Одеваешься как бабка старая. Посмотри, в кого ты превратилась!

Такого от отца я не ожидал. Я раньше никогда даже не слышал, чтобы он кричал. Было слышно, как плачет мать. Я хотел броситься наверх, чтобы ее защищать, но подумал, что могу только хуже сделать. Отец продолжал:

– Ты понимаешь, я дошел до края, у меня ощущение, что голова не моя... Что вот-вот и взорвется. И все из-за тебя! Я ухожу от тебя к Альбине не потому что она – хорошая. Да она лучше тебя во многом. Я ухожу от тебя, потому что ты – плохая. Я не могу с тобою жить. Мне тошно. Думаю, что с разводом проблем не будет?

– Послушай, у нас двое детей...

– Что ты мне тычешь детьми? Ты за ними следишь? Тебя близко к ним нельзя подпускать. Все тяп-ляп... Растут как трава... Да я, если хочешь знать, вообще вначале хотел тебя убить. А что? Хороший выход. Нет человека, нет проблемы. И дети мои, и все... Сейчас за сто зеленых любой наркоман... Ты это понимаешь? Ты понимаешь, до чего ты меня довела! Только благодаря детям пожалел тебя.

Хлопнула дверь. Я отключил наушники. Что с ним случилось? Причем здесь тетя Альбина? И дядя Валик приходил тогда... Внезапно я понял, почему он к нам приходил тогда. Отец быстро спустился вниз. Он пообещал нам с Машкой боулинг в ближайшие выходные. И ушел. Мать опять плакала. Все было гораздо хуже, чем я предполагал.

Отец ушел от нас к тете Альбине! Жене дяди Валика. Я вспомнил, как совсем недавно, в ноябре мы отмечали день рождения отца в ее кафе «Альбина», и все были веселы и счастливы. У нее там очень уютно, и вкусно готовят. Но это же не повод, чтобы уходить от жены. Я не мог поверить!

Как же так? А я? А Машка? Он же нас любит. То есть любил... Ведь у тети Альбины есть сын – Вовка, мой ровесник, который учится в моей школе, в параллельном классе. Теперь он его любить будет. Я бы никогда не смог бросить своих детей. Пусть даже жена попадется совсем негодная, но дети-то тут причем? Почему они должны страдать из-за моих прихотей? Так думал я, вспоминая всю свою прежнюю беззаботную жизнь. Вот они, неприятности. Недаром считают, что цифра 13 – несчастливая. А мне 13 лет.

Но ведь отец был не такой! Я прекрасно его знаю. Два года назад мы были на море. Все было замечательно. И еще я точно знаю, что он маму очень любил. Он дарил ей всегда кучу подарков, цветы, носил на руках...

Вдруг я почувствовал огромную любовь к матери, и почему-то мне так захотелось обнять ее.

Я зашел в ее спальню. Царил полумрак. Мать сидела за столиком. В руке у нее был стакан с водой. На столе была куча белых таблеток. Я все понял и закричал:

– Не надо! Мама! Мы тебя любим! Очень-очень.

Я подбежал и отобрал у нее стакан, все таблетки смыл в унитаз. Дал ей выпить корвалол. Руки мои дрожали. А если бы я не успел? Даже подумать нельзя.

– Мамочка, ты самая лучшая на свете. Поспи. Ты устала. Мы с тобой.

Я сел у ее ног и стал рассказывать какую-то ерунду про предстоящие экзамены, строгих учителей, литературный кружок. Ее нужно было отвлечь. Сердце мое ужасно колотилось. Когда она уснула, я позвонил бабушке. Через полчаса они уже были у нас. Я все рассказал, что знал, умолчав лишь о таблетках. Бабушка все время твердила: я ей говорила, я ей говорила... Дед, старый коммунист, просто сказал: козел. И все. Потом пришла полусонная мать. И промывание мозгов началось. Но я думаю, ей сейчас это даже необходимо. Все, что угодно, только не эти мысли. А уж деды умели отвлечь от дурных мыслей.

Меня отпустили к себе, как ненужного свидетеля. Я бы рад был посидеть опять в компьютере, но не мог. Первый раз компьютер не увлекал меня. Потрясение этого вечера было настолько сильным, что я не мог уснуть всю ночь. То есть, я не помню, спал я или не спал, но ощущение сна отсутствовало. Папочка! Что же ты наделал!

Результатом ночных разборок предков стало решение переехать жить к дедам, то есть к маминим родителям.

Утром мама сказала нам с Машкой, что мы переезжаем к дедушке и бабушке, что коттедж этот фактически принадлежит отцу, а он от нас ушел, поэтому мы не можем больше здесь жить. Мы пошли паковать вещи. Машка тихо плакала. А я думал, что это неплохое решение. Хоть коттедж и классный, но находится он далеко от школы и детского сада. Раньше Машку возил отец, и меня подвозил. Теперь возить Машку буду я и не на машине, а на маршрутке. А от дедушкиного дома гораздо ближе получается.

На следующий день приехал дядя Миша и перевез нас. Так закончилась наша крутая жизнь в крутом доме.

Продолжение неприятностей

В школе все сразу все узнали. Когда я зашел в класс после каникул, девчонки сразу стали шушукаться. Я чувствовал себя не в своей тарелке, мягко говоря. Эх, отец! Он что не мог уйти к какой-нибудь другой тетке? Так нет же – выбрал маму Вовки.

Вовка – белобрысый парень, учится в параллельном классе. Вот тебе и ситуация. Ну, ничего. Главное в таких ситуациях не подавать вида, что тебе плохо. Как в сказке про Морозко. Он ей минус 20, а она тепло, Морозушко, тепло. Он ей минус 30, а она опять тепло, Морозушко, тепло. Так и я старался сохранять спокойствие и внешнюю беззаботность, даже учиться лучше стал. Но, все равно, я никак не мог поверить, что все это случилось со мной. Я просто ничего не понимал. Теперь отец будет возить Вовика в школу. А не меня и Машку. Что с тобой, папа? Нет. Никогда в жизни я так не поступлю.

Мама вскоре заболела. У нее не было сил работать. И плакать. Но она все равно плакала. Каждый день. И словно таяла, стала какой-то бледной и очень худой. Я разозлился и объявил отцу бойкот. Деды очень переживали, ведь мама – их дочь. И только Машка, предательница, общалась с отцом и даже ждала его. Раз в неделю по выходным он брал ее на целый день – в кино, в цирк, словом, Машка отрывалась по полной программе. А когда возвращалась, я пытался ее воспитывать:

– Опять ездила развлекаться, предательница!

– Я не предательница. Я маму люблю.

– Мама плачет, а ты с ним и с этой теткой... Как ты не поймешь, что этим ты еще больше маме делаешь и мне.

Машка насупилась и взяла на руки кошку Царапкину. Так она делала вид, что обиделась. Кошка, вернее, Кошечка Царапкина, появилась в доме дедов три года назад совсем маленьким котенком. Бабушка нашла ее в подъезде под своей дверью. Котенок был весь больной, худой, словом, бабуля пожалела его. Сперва он сильно царапался и был назван Царапычем, но когда точно был идентифицирован пол, получилась Кошечка Царапкина. Она так и осталась такой же худой и невзрачной кошкой, но была очень доброй и терпеливой, словно нас благодарила: «спасибо, что взяли». Машка что только с ней не выделяла, когда маленькой была. Но Царапкина когтей не выпускала. Никогда. А теперь они друзья навеки. Машка играет с ней как с подружкой, одевает ее как куклу и даже целует ее.

– Не закрывайся своей Царапкиной, когда с тобой старший брат разговаривает.

Машка бросила кошку. Царапкина стала тереться о пакет у Машкиных ног.

– Подарков надарил, да? Я тебе говорил, не бери ничего от него. Он раньше тебя в сад возил, а теперь Вовика в школу возит. А свои-то дети пусть, как хотят, так и добираются.

На этом месте Машка начала рыдать. Довел ребенка. Я обнял ее.

– Ну, не сердись, Машуся.

Кто ей еще скажет все это, если не я? Машка ушла в мамину комнату. У дедов нам уютно. У них нормальная трехкомнатная квартира. В одной комнате мама с Машкой, в другой – деды, в третьей – я и мой компьютер. Жить можно. И нужно. Мамочка, ты только живи!

И потекли серые дни этого черного периода в нашей жизни, который я так и назвал «когда мама плакала». Бабушка, как мамина мама, регулярно промывала всем мозги. Особенно маме. Часто это выражалось в такой форме:

– Такие люди, как он плохо заканчивают. Вот увидите. Такое с рук не сходит. Вон у Ленки муж ушел к ее подружке, змеюке крашеной. Так через три месяца нашли его под балконом. С 8-го этажа сиганул... Или помогли.

– Мама, прекрати. Тут дети. И вообще, эти разговоры ни к чему.

– Я прекращу, когда ты прекратишь плакать. Вот, именно, у тебя двое детей. Ты что, хочешь оставить их сиротами? Или в психушку попасть, а их к гулящему папаше? И нечего от них скрывать, они все должны знать и правильно реагировать, верно, дед?

– Ну, ты, не горячись. Может, еще разберутся, помирятся... погоди, тут спешить нельзя, – сказал дед.

– А я бы ни за что такое не простила. Это же предательство. После 15 лет супружеской жизни! Нет, я вам говорю, он плохо кончит.

Кошечка Царапкина была очень умной кошкой и точно знала, кто в доме хозяин, и в какой момент нужно это подчеркнуть. Она, выгнув спину, замурлыкав, ласково потерлась о бабушкину ногу и подошла к своей мисочке. И сразу же получила неплохой кусок курицы. Кажется, она одна сейчас не страдала отсутствием аппетита. Мы все жили в каком-то тумане, неопределенном ожидании. Ожидание прервал очередной визит отца. Он заявил, что подал на развод.

Рецепт от неприятностей

На этом все могло бы и кончиться. Не мы первые, не мы последние разводились. Если бы не одна мамина подруга. Тетя Таня. Пришла она как-то в гости и заявила, что мы зря сидим в бездействии. Отца, да и нас нужно срочно спасать. Только дурак не заметит, что его приворожили, порчу навели. И причина одна – его деньги. Был бы бедный, никому был не нужен. Потом она заявила, что нужно срочно идти к бабкам, чтобы они сняли порчу и что-то сделали с отцом. И понеслось.

Они с мамой начали с экстрасенсов, потом стали в газетах искать объявления типа «снимаю порчу, сглаз, приворот». Следующим шагом стали поездки в областные центры к местным бабкам. Мама привозила то воду, которую надо всем пить, то монетки, то зерна риса, то цветы в горшках. Естественно все брали деньги, но никто ничего не изменил. Как все было, так и осталось.

Единственное, что меня порадовало, – это то, что после этих экскурсий мама стала меньше плакать и начала хоть чем-то интересоваться. Я пытался доказать ей, что все это – шарлатанство, надувательство сплошное. Пока сам не попался на ту же удочку.

Как-то заглянул я в школьную библиотеку. Там мамина знакомая работала – Нина Михайловна, добрая такая женщина, я ее с первого класса знаю. Смотрю, вроде никого нет. Сейчас редко кто в библиотеку ходит, только по сильной нужде, ну, из-за сочинения, например. Потом выходит она, я поздоровался. Она начала спрашивать что, да как. Слухом земля полнится. Это уж у нас не отнять. Все про маму выпрашивала. Что на меня нашло? Разоткровенничался я. Все высказал, что увела отца мама Вовки Нефедова, сына нашего бывшего физрука, Валентина Федоровича.

– Он к нам несколько раз такой пьяный приходил. И плакал даже... Видно и его кинули.

И сам я прослезился. Она меня стала успокаивать, мол, может быть, все пройдет еще.

– Понимаешь, время сейчас такое сложное. Взрослые и то не разберутся, что такое хорошо, а что такое плохо, где уж вам, бедненьким! Ты молись Богу. Он поможет.

– Как это? Я молиться не умею.

– Ну, просто проси у Него за отца, за маму.

– Никто нам уже не поможет...

Тут я вспомнил нас всех два года назад на море... Смеющийся отец, Машка у него на шее, а я брызгаю на них водой. Мама кричит нам, чтобы мы далеко не заплывали. Вот оно, счастливое детство. Его больше нет. В нашем коттедже теперь живет эта самая тетя Альбина с Вовчиком. Ездит в нашей машине. Нет, так нельзя. Я буквально рыдал в школьной библиотеке. Нина Михайловна участливо гладила меня по руке, а потом решила напоить меня чаем. Вот тут я и обнаружил в правом поле своего зрения бесшумно передвигавшийся объект, который оказался моей одноклассницей Шмаковой. Ну вот, теперь растрезвонит всем! Видимо, она рылась где-то, на дальних полках, тихоня ведь. Я ее и не рассмотрел.

– У меня чай с жасмином, попробуй. Печенье бери, не стесняйся.

Я попил чай с Ниной Михайловной и вроде успокоился.

– Ванечка, я слышала, у твоей мамы на работе скоро будет большая книжная выставка из Санкт-Петербурга, посвященная Пушкину? – попыталась меня отвлечь Нина Михайловна.

– Не знаю, – буркнул я. До Пушкина ли мне было сейчас? А вслух добавил:

– Да кто сейчас на эти выставки ходит? Все это только для галочки. Никому это не нужно. Скоро и библиотек не будет. Один Интернет и все.

Нина Михайловна помолчала, грустно смотря на книжные полки.

– Да, возможно, и так.

Поблагодарив ее, я пошел. Большая перемена заканчивалась. И тут я даже не понял, что произошло. На меня налетел кто-то и чуть не сбил с ног. Оказалось, что это тот самый Вовка Нефедов. Он гнался за каким-то пацаном, а тут я. Извиняться явно не хотел. Так, слово за слово, мы повздорили. Началась потасовка. Общество, как всегда, требовавшее хлеба и зрелищ, поднималось из столовой. Часть из нашего «А» класса, а часть из Вовкиного «Б». Зрелище получилось – что надо. У меня рассеченная бровь, а у него разбитый нос. Вроде ничья. Оказалось, все наши болели за меня. Наконец, прибежали учителя и нас развели по кабинетам. Удивительно, но обошлось без вызова к директору. Я даже на какое-то время стал героем класса.

Какие бывают плоды от такого геройства? Фролова, наша белокурая нимфа, пригласила меня на день рождения, Кисина – ходить бесплатно в бассейн. Но мне было не до этого. И, вообще, мне в то время нравилась совсем другая девочка, даже не из нашего класса. Мне кто-то рассказал, что люди, которые вместе учатся в одном классе, редко потом женятся, потому что знают все свои недостатки с раннего детства, а достоинствам не придают никакого значения. Поэтому я нашими девчонками не интересовался.

И даже тихоня Олечка Шмакова несколько раз пыталась со мною заговорить, но я после того случая в библиотеке, стеснялся с ней общаться и всячески увиливал. Отец раньше всегда в шутку мне говорил: «Учись, Ванька, вовремя дать женщине отпор». Я учился.

В скором времени мой рейтинг, конечно, упал, особенно, когда на соревнованиях по баскетболу я подкачал. На день рождения к Фроловой я не пошел. Бассейн тоже оставил без внимания. Не до этого было...

Послушай женщину...

Оля Шмакова, как-то поймав меня на перемене, опять попыталась завязать беседу. Я к таким беседам с девчонками отношусь плохо. От них всего можно ждать. Например, влюбится в тебя какая-нибудь фифочка. Они сейчас сериалов насмотрятся и ждут принцев на коне. А мы что? Принцы что ли? Мы абсолютно нормальные. Отвела она меня в сторонку и говорит:

– Жалко мне тебя, Лебедев. И отца твоего, и маму...

– Ну и..., -говорю.

– Да я так. Не волнуйся слишком. Просто, я могу тебе помочь.

Она сказала не «хочу», а «могу». Это меня и удивило.

– Чем же ты можешь мне помочь? Ты что волшебник в голубом вертолете? Что ты можешь сделать? И, вообще, у меня все нормально. Подумаешь, отец ушел. Да сейчас каждый второй брак распадается, – цитировал я свою бабушку. Она так постоянно утешала мою маму. Проводила душеспасительные беседы, но мама все равно плакала. Да и беседы, скорее, были душещипательные.

– Да уж, нормально! Ничего у тебя не нормально. Я в библиотеке тогда все слышала.

– Подслушивать нехорошо.

– Прости. Я была невольным свидетелем.

– Могла бы кашлянуть для приличия.

– Да не бойся, я никому ничего не рассказала. Я ведь, правда, могу тебе помочь.

Я удивленно молчал.

– Ты ведь любишь отца и желаешь, чтобы он вернулся к вам?

– А ты, что, можешь его вернуть? – довольно дерзко спросил я.

– Могу.

– Как?

– Вон, спроси у Ирки Ушаковой. У нее год назад тоже отец уходил. Он нейрохирург, к медсестре ушел.

– И что?

– Ничего. Потом приполз на коленях. Словом, хэппи энд. Живут вместе, как раньше.

Я молчал и тупо смотрел на нее. Представил отца на коленях. И даже вздрогнул. Как можно заставить человека что-либо сделать против его воли? Загипнотизировать что ли?

Она улыбнулась как-то странно и многозначительно.

– Если хочешь, приходи сегодня ко мне вечером. Вербная, 8. Ну, пока!

Она быстро стала спускаться вниз по лестнице, а я пошел на свой дополнительный английский. Кто посещал платный дополнительный английский, получал всегда пятерки в году.

Мысли в голове роились, как мухи. Первое и самое главное – найти Ушакову и уточнить у нее, правда ли это.

Как раз в это время прямо по коридору на меня брела вечно мечтательная Ушакова в модных сапогах-ботфортах. Кажется, все наши девчонки их перемеряли сегодня. В принципе, ей это действительно шло. Ноги длинные. Но в школу надевать... Я бы не стал. Хотя я не девчонка. Да, ну их, пусть носят, что угодно.

– Эй, Ушакова, можно тебя на минутку?

– Тебе чего, раненый боец?

Я уже и позабыл про свою рассеченную бровь. Но шрамы украшают мужчин в глазах женщин. Как видно, этот шрам мне был к лицу.

– Да вот, хотел уточнить кое-что. По словам Шмаковой, она помогла тебе вернуть отца. Это правда?

Ушакова остановилась и как-то испуганно огляделась, захлопав своими удлинёнными ресницами. Как там Машка их называет: «Мэй-блин» и «Макс-фактор». Она все рекламы наизусть выучила. Ей ни Агния Барто, ни Чуковский не нужны. Помедлив, Ира сказала:

– Правда. Она действительно нам помогла.

– Как?

– Точнее, не она, а ее бабушка.

– Опять эти бабки, целительницы?

– Бабки бабкам рознь. Моя мама у десяти, наверное, побывала. Без результата, пока вот Олина бабушка не помогла.

– Но ведь это шарлатанство сплошное.

– Большей частью да. Но Олина бабушка – это ого-го! – она закатила глаза, увеличивая тем самым весомость сказанного.

– Ты что, в это веришь?

– Конечно. Да к ней сам мэр приезжает, депутаты всякие, банкиры.

– А им-то зачем?

– Как зачем? У кого успех, власть, деньги – им все это нужно удержать. А сколько людей им завидуют! И гадости всякие делают. То порчи, то мужей у жен уводят. Или наоборот. Вот так-то. У тебя, вон, тоже отца увели. Украли...

– Украли. У него, что головы своей нет?

– В том-то и дело, нет! Ты просто ничего не понимаешь... Пока...

– Ну да. Вон, мать, сколько денег отнесла этим целительницам. И что?

– Большинство из них – только и умеют, что обещать и деньги брать, но Олина бабушка не такая. Я и сама не верила. Но папа вернулся и живет с нами. Поверь и делай все, что она скажет! Ладно, мне пора. Я сегодня прогуляю английский, что-то неохота...

– Пока.

А я в смятении чувств поплелся на этот английский, хотя мысли мои были, явно далеко и все на русском языке.

Бабушка

Вечером я зашел за Машкой в садик. Дети рисовали Пушкина. Не знаю, кто это придумал такое занятие в детском саду. Я и в 7-м классе его не нарисую. Да еще красками. Портреты моего любимого поэта развешивали над шкафчиками в раздевалке, чтобы родители полюбовались творениями любимых чад. Пушкин у Машки удался. По сравнению с другими это был просто шедевр. Я стал ее хвалить.

– Слушай, да ты, прямо художница у нас!

Машка засмушалась и стала кокетничать и улыбаться. Девчонки всегда так. Их просто нельзя хвалить!

– Одевайся быстрее, мы идем в гости, – сказал я и стал звонить бабушке, чтобы предупредить ее, что мы задержимся.

– А ты меня оденешь?

– Что? Тебе сколько лет?

– Шесть...

– Ты почти что школьница. Давай уж сама. А то в гости не пойдешь, – пригрозил я. Это подействовало, и через пять минут мы шагали в сторону частного сектора. Эта часть города сохранилась еще с дореволюционных времен, но я почему-то ее не люблю.

– А к кому мы идем?

– К кому надо, к тому и идем.

– Ну, скажи!

– К моей однокласснице Оле.

– Ты что, влюбился, что-ли? – захихикала Машка.

Вот так всегда. Стоит произнести вслух женское имя, уже влюбился. Но лучшая защита в этом случае – нападение и я сказал:

– А что? Может, и влюбился. Возьму и женюсь.

– Тебе нельзя, ты еще маленький.

– Много ты понимаешь, кому можно, а кому нельзя.

– Понимаю, я – взрослая уже.

– Как про любовь, так взрослая, а как одеваться, так маленькая...

На этом мои воспитательные способности иссякли, и я перевел разговор на тему мультфильмов. Мы договорились, что если она будет себя хорошо вести, я куплю ей новый диск с мультфильмами. А то еще начнет ныть или капризничать. Можно было бы ее отвезти к бабушке, но это такой крюк, и потом, честно говоря, я один идти туда не хотел. Интуитивно чувствовал какой-то страх или тревогу.

В шесть часов вечера мы звонили у калитки большого дома старой постройки, серого, массивного с большой крышей и ставнями. Калитка автоматически открылась. Вот он, век научно-технических открытий! Раньше бы надо было выходить на улицу, а теперь сиди себе дома, на кнопку нажал и порядок.

– Привет, Оль!

– Привет. Да ты не один!

– Знакомься, моя сестра Мария.

Машка кокетливо надула губы. Она всегда так делает перед взрослыми или, когда ее хвалят. Мы зашли в дом с довольно приличной обстановкой, хотя я ожидал увидеть здесь нечто загадочно-старинное. В зале стояли два кресла и диван. На них сидели две женщины и парень в вязаной шапке, понуро смотревший в пол. Я тихо поздоровался, но никто мне не ответил. Оля повела нас на второй этаж, оказалось, в свою комнату.

В ее комнате было гораздо светлее и уютнее, вернее, не было какой-то напряженности, как на первом этаже.

– Вот тут я и живу. А бабушка на первом этаже.

– А родители?

– Нет у меня родителей. Погибли, – быстро сказала Оля.

А я и не знал. Вот так, семь лет с человеком проучился и не знал, что она сирота. Позор! Все бегаем, суедемся, а, главное, упускаем, как всегда. Машке перепал апельсин и целая коробка конфет. Я пытался отказаться, чем вызвал негодование сестры, которая уже открывала эту коробку.

– Оля, да нам неудобно, мы без всего... Пришли вот... А ты сразу нас конфетами и апельсинами кормишь, – я почувствовал себя ужасно неудобно. Нужно было что-нибудь купить по дороге. Но, как всегда, умная мысль приходит позже, чем надо бы.

Оля сказала, что мне необходимо будет все рассказать бабушке. Она помогает многим людям, попавшим в такое положение. Бывает даже еще хуже. Но все потом нормализуется. Я недоверчиво посмотрел и поежился. Хотелось бы верить. Но я живу в 21-м веке. Освоен космос, ядерная энергия, компьютеризирована большая часть планеты, кругом сотовая связь. Известно почти все. Все законы физики, химии и прочих наук. Места сверхъестественному нигде нет. Мистика обитает лишь в воображении некоторых граждан. Просто одни в нее верят, а другие делают на этом деньги.

Пока я так размышлял, Машка съела полкоробки. Опомившись, я выхватил у нее остатки.

– Ты что-то увлеклась. Живот заболит.

– Не-а, они вкусные.

– Так, что надо сказать?

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказала Оля и вышла.

Машка заставила меня чистить апельсин. Вот они, женщины, веревки из нас вяют. Неудобно, пришли и все съели...

– Тебе достаточно и конфет.

– У-у...

– Ладно-ладно, ешь. Только не ной!

Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало. Эту пословицу я выучил хорошо, пока росла Машка. Вернулась Оля и сказала, что посетители ушли, и бабушка нас ждет. Мы спустились вниз и зашли в комнату Олиной бабушки. В ней было очень тепло, и даже душно. Горел настоящий камин. На стенах висели иконы и какие-то старинные картины. Я вежливо сказал:

– Здравствуйте.

Бабушка кивнула и продолжала перебирать какую-то кипу бумаг. Потом живо встала и, подойдя к камину, бросила часть бумаг в огонь. Она была очень старая, с морщинистым лицом и большим носом.

– Садитесь, мои дорогие, – сказала она и добродушно улыбнулась.

Оля сказала:

– Это Ваня Лебедев, мой одноклассник. Ну, я тебе говорила про него, а это Маша, его сестра. А это моя бабушка, Дарья Ивановна.

Мы сели в огромное кресло напротив дивана, на котором сидела Дарья Ивановна.

– Ну, что случилось у вас?

Я почему-то и слова не мог вымолвить. Жутко разволновался. И вдруг Машка стала говорить:

– Папа с мамой поругался и ушел жить к тете Альбине, а мы ушли к бабушке и дедушке. А теперь он еще разводиться с нами хочет. А мама все время плачет. Вот.

Дарья Ивановна покачала головой и грустно улыбнулась. Потом она достала листок бумаги, ручку и сказала:

– Ну-ка, напиши мне все, что произошло. По порядку.

Я взял ручку, бумагу. Рядом стоял журнальный столик, придвинув его поближе, я стал писать. Они в это время о чем-то болтали. Иногда до меня долетали фразы типа: «А ты, Машенька, любишь папу?» или «А кто такая тетя Альбина?». Машка с видом дающей интервью звезды уже сидела на диване рядом с Дарьей Ивановной и приканчивала свою коробку конфет. Наконец, я завершил писанину и отдал листок Олиной бабушке. Она отложила его и серьезно спросила:

– А ты, вообще, чего сам хочешь?

Я долго соображал, что нужно сказать. Машка опять влезла:

– Чтобы папка вернулся к нам, а летом, чтобы мы на море поехали. И чтобы мама не плакала больше.

Я что-то промычал. А потом, набрав воздух в легкие, сказал:

– Ну да, кто же этого не хотел бы! Но ведь если человек не хочет, его не заставишь...

А Дарья Ивановна как-то странно фыркнула и стала что-то шептать. Вдруг у меня перед глазами все поплыло и стало темнеть. Дарья Ивановна вдруг превратилась в огромную серую сову и стала ухать и хлопать крыльями. Что было потом, я узнал от Машки. Оказывается, я упал и минут пять лежал на полу, пока меня приводили в чувство. Стыдно так, как барышня тургеневская свалился в обморок. Когда я очнулся, меня все стали жалеть и отпаивать каким-то чаем, удивительно вкусным и сладким...

Раньше со мною такого никогда не было.

– Ты сегодня-то обедал? – спросила Оля.

– Да, в школе ел, в столовке.

– Когда? В два часа?

– Не помню.

– Голодный обморок. Пойду тебе что-нибудь принесу.

– Не надо. Все нормально. Очень вкусный чай.

А Олина бабушка сказала, что это вовсе не обморок. И спросила, не ощущал ли я в последнее время приступы сильной слабости. Я подумал... Ведь, действительно, бывали дни, когда я был похож на черепаху и не мог даже встать с постели часов до 11 утра. Благо, мы учимся во вторую смену. Даже кофе начал пить, хотя не пойму, за что его так взрослые любят. Он ведь горчит.

– Это порча...

Ну вот, опять начинается... Стоило мне свалиться в обморок, так сразу и порча. Сколько раз и маме это говорили и лечили ее эти целители. Мне захотелось домой. Но было неудобно. Тут Дарья Ивановна и говорит:

– Как ты думаешь, Машенька, а папка твой изменился за последнее время?

– Да. Он теперь заколдованный.

Вот это она выдала!

– Машка, ты сказок начиталась, вот у тебя все и заколдованные. В реальной жизни никакого колдовства нет, – сказал я.

Олина бабушка покачала головой и сказала:

– А откуда, ты думаешь, сказки взялись? Из этой же реальной жизни. Ничего, Машенька, мы его расколдуем. Обязательно расколдуем.

Не успел я и глазом моргнуть, как Машуся сидела у Дарьи Ивановны на коленях и показывала содержимое своей сумочки: каких-то пупсиков, заколочки, перстеньки и прочую

ерунду. Удивительно, но так, с первого дня знакомства она ни с кем не сближалась. А тут, прямо, давние друзья!

Оля принесла сладкие булочки и два куска торта. Я вдруг ощутил небывалый голод. Уговаривать нас с Машкой не пришлось. Через пять минут тарелка была пуста. А я вытирал Машкины щеки салфеткой.

Зазвонил мой сотик. Это была мама. Я успокоил ее, что мы с Машкой в гостях у Оли. Она предложила прислать такси, но я отказался:

– Мамочка, не волнуйся, мы скоро будем. Целую.

– Молодец, – сказала Дарья Ивановна, – Видно, ты очень любишь свою маму. Поэтому все будет хорошо.

– И я люблю, – закричала Машка и почему-то разревелась.

– Не плачь, ласточка, все будет хорошо. Я вам обещаю. Раз за дело берусь я, все будет хорошо.

Я не верил своим ушам. Вроде она – нормальный человек, а обещает такие вещи. Невольно я огляделся и, увидев много икон на стенах, успокоился. Раз иконы – значит, человек верующий, порядочный. Дарья Ивановна перекрестилась и ласково сказала:

– Я ведь многим помогла. Разве ж я плохое дело делаю? Отца в семью возвращаю. Лечу всех от таких болезней, от которых простые врачи никогда не вылечат. Вы-то хоть с Машей крещеные?

Машка завертелась и ответила вперед меня:

– Нет, мы крестик не носим. У нас мама крещеная, она два года назад с подружкой в Ярославле покрестилась. Они гуляли по городу, зашли в церковь, а там младенца собрались крестить, и они попросились. А нам папка сказал, что, как вырастем, так сами решим, креститься или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.